

Глава 1

— Брат Дундун!.. — Гуань Хаобинь с криком резко сел на диване.

Сидевший рядом Гуань Цзюньсун так и подпрыгнул от неожиданности.

— Бинь-бинь, что с тобой? Кошмар приснился? — услышав крик, Тан Лань тут же выбежала из кухни.

— Всё нормально, ничего, — придя в себя, Хаобинь провел ладонью по лицу и виновато улыбнулся встревоженным родителям. — Пойду в душ сполоснусь. Днем у нас в отряде собрание.

— В такую жару, да еще в самый полдень, улегся спать без кондиционера! Разве тут уснешь спокойно? — заворчала Тан Лань вслед уходящему в ванную сыну. — Мы что, по миру подбираемся, чтобы каждую копейку на электричестве экономить?

— Тут центральная система, да еще гостиная какая огромная. За час нагорает будь здоров, — Гуань Цзюньсун, свернувшись на маленьком диване, на секунду оторвался от газеты, но тут же снова уткнулся в нее.

— Ах ты, старый пень! Сам вентилятор под себя подгреб, а сыну спать мешаешь! Он который день в ночную смену вкалывает, а ты думаешь, все вокруг такие же бездельники, как ты? — Тан Лань тут же принялась пилить мужа.

— Вот уж воистину без вины виноватый! — обиделся Цзюньсун. — Вентилятор же крутится из стороны в сторону, на всех дует!

— Мам, ну ладно тебе, — улыбнулся Хаобинь, высунув голову из ванной. — Совсем папу зашугала, смотреть жалко. И дело тут не в экономии. Просто от кондиционеров один вред, если под ними постоянно сидеть. А я так, прикорнул на минутку.

— Тебе его жалко? — Тан Лань грозно прищурилась на мужа.

— Под твоим игом тут любого жалко станет, — тихонько буркнул под нос Цзюньсун.

Стоило ему договорить, как Тан Лань ловко сцапала со столика журнал и запустила в него:

— Ах ты, шут гороховый!

Когда Хаобинь вышел из ванной, он увидел на вешалке приготовленную матерью хлопковую

футболку.

— Мама! — крикнул он в сторону гостиной. — Мне после обеда форма нужна!

— Ты же сказал, просто совещание будет. Хоть раз бы без этой робы обошелся, — Тан Лань засуетилась и поспешила на второй этаж, чтобы принести форму.

— Сегодня случай особый, явка строго по форме. Начальство из Муниципального отряда полиции приезжает.

— Сколько тебя знаю, ты вечно в этой форме, — вздохнула мать, заноса одежду. — Вроде приличная государственная служба, а ткань на мундиры закупают копеечную. Сплошная синтетика, ни вздохнуть, ни ветру дунуть. Наденешь — и сразу седьмым потом обливаешься.

— Ну так сходи к моему начальнику, выскажи ему всё, — усмехнулся Хаобинь, принимая одежду.

— Еще чего, только позорить тебя, — Тан Лань заботливо поправила ему воротник. — Вот думаю: может, сходить на рынок, подобрать хорошую, дышащую ткань точно такого же цвета и заказать тебе в ателье пару приличных комплектов?

— Даже не думай. Пожалей портных, их же потом под трибунал отдадут за подделку формы, — рассмеялся Хаобинь.

Съев чашку холодного супа из лотоса и древесных грибов, который приготовила Тан Лань, Хаобинь прополоскал рот чаем и потянулся к ключам от машины.

Гуань Цзюньсун вдруг вспомнил:

— Хао-эр, утром твой кузен звонил. Весь такой таинственный, зовет нас вечером в ресторан. У тебя же нет дежурства? И чего этот оболтус вдруг расщедрился в такую жару по кабакам таскаться?

— Не должно быть дежурства, я же вчера всю ночь отпахал, — Хаобинь обувался в прихожей. Он обернулся к отцу: — Папа, тридцать лет — это тебе не шутки, юбилей! Не забудь подарок купить, пусть молодой господин Тан прослезится от нашей щедрости.

— Ах, точно! Совсем из головы вылетело, что он в самый разгар лета родился. Какой ты у меня внимательный, Хао-эр, — Цзюньсун всерьез задумался. — Так... и что же ему подарить?

— Он же у нас сладкоежка. Купи ему чупа-чупс, пап.

— Издеваешься над отцом? — рассмеялся Цзюньсун. — Ладно, куплю какую-нибудь безделушку для проформы. В наше время тридцать лет праздновали скромно — тарелка лапши с яйцом, вот и весь юбилей.

Тан Лань высунулась из кухни, услышав хлопок входной двери:

— Бинь-бинь, за рулем не гони! Если увидишь на дороге сумасшедших — уступай, не связывайся с ними!

— Знаю, мамуля, знаю. Каждый день одно и то же. Ты у меня прямо как Тан Сэн! — шутливо пожаловался Хаобинь.

— Тан Сэн? Это еще кто? — не поняла Тан Лань.

— Монах-настоятель, великий зануда! — Хаобинь скорчил забавную рожицу и быстро захлопнул за собой дверь.

— Ну вот куда ты лезешь со своими советами? — с усмешкой сказал Гуань Цзюньсун вошедшей в комнату жене. — Он дорожный полицейский, а ты его учишь, как машину водить. Конечно, он смеется.

— В школе и в институте всегда в отличниках ходил, а в итоге выбрал полицейскую академию...
— вздохнула Тан Лань. — Какая мать тут не будет места себе находить?

— Да ладно тебе, он же не в отделе по борьбе с наркотиками и не в спецназе. Чего зря паниковать? — успокоил ее муж.

— Ты телевизор не смотришь? То и дело показывают: то сынки богатые, то шишки какие-нибудь правила нарушают, а потом еще и на гаишников с кулаками бросаются.

— Ну, знаешь ли... Наш Хао-эр, если уж на то пошло, тоже из непростой семьи, — улыбнулся Цзюньсун.

— Ой, скажешь тоже! С твоих копеечных доходов он вряд ли потянет на «золотую молодежь»,
— Тан Лань собрала грязные вещи сына, чтобы отнести их в стирку, и мягко добавила: — С другой стороны, если бы Бинь-бинь решил снять эти погоны и забрать твой завод, я бы спала спокойно. Сам себе хозяин, и никакой опасности.

— Он уже года три как в патруле, и всё слава богу. Раз Хао-эр считает, что Шаочуань лучше справится с заводом, значит, так тому и быть. Мы и так должны быть благодарны: он ведь не поехал в Пекин, в Академию общественной безопасности, а выбрал наш провинциальный вуз только ради того, чтобы остаться поближе к нам. Да и на уголовный розыск целился, но ты его пилила-пилила, вот он и перевелся на организацию дорожного движения.

— Ох, до сих пор не пойму, откуда у него эта страсть к службе. Учился бы на управлении бизнесом, всяко лучше, чем на перекрестках пыль глотать. Он ведь такой мягкий, интеллигентный мальчик, разве это для него работа? Как вспомню, через какие физические нагрузки ему пришлось пройти в академии, сердце кровью обливается.

— Да ладно тебе, по-твоему, в полиции одни твердолобые громилы служат? Перестань уже вздыхать о его студенческих годах. Мне аж стыдно за тебя становится, как вспомню, сколько ты тогда шуму наделала. Его однокурсники до сих пор над ним подшучивают.

— Ха! Чья бы корова мычала! — съязвила Тан Лань. — Когда Бинь-бинь учился, ты сам из его академии не вылезал. С местными охранниками на проходной запанибрата здоровался.

— Так, давай лучше собираться, надо подарок Шаочуаню присмотреть, — смущенно кашлянул Цзюньсун, переводя тему. — На каждый день рождения Хао-эра он такие дорожные подарки тащит, надо и нам хоть раз приличное что-то подарить.

— Да успеем, по дороге в ресторан в какой-нибудь торговый центр заедем, — Тан Лань вдруг нахмурилась, убирая вещи. — Слушай, а почему он опять закричал во сне? Сколько лет уже кошмары не снились... Может, показать его Дин Мо?

Дин Мо работал врачом в Народной больнице Цинюаня. Парень из глухой деревни, сирота, чью учебу все семь лет полностью оплачивал Гуань Цзюньсун. После выпуска он помог ему устроиться в больницу. Сам старик Гуань ни о каком возврате долгов и слышать не хотел, но Дин Мо свято чтит доброту семьи Гуань, часто заходил в гости и стал для Хаобиня названным братом.

— Да они постоянно видятся, если бы что-то болело, Сяо Дин бы давно заметил, — вздохнул Цзюньсун. — Наверное, просто переутомление из-за этих дежурств.

Старик на мгновение замолчал, а потом негромко добавил:

— Знаешь... Если бы мы тогда знали, надо было и того второго мальчика, Дундуна, усыновить. Они ведь в детском доме как родные братья были. Нельзя было их разлучать. Хао-эру тогда уже лет девять было, он всё прекрасно понимал. Моя ошибка. Недоглядел.

— Матушка Цянь давно умерла, воспитатели те разбежались, а в архивах соцобеспечения никаких следов этого Дундуна нет. Жаль... — грустно отозвалась Тан Лань. — Бинь-бинь никогда при нас старое не вспоминает, не хочет, чтобы мы переживали. Но ведь все первые годы он каждую ночь метался и звал брата. Видимо, эта рана так до конца и не зажила.

— Хао-эр у нас чуткий и очень почтительный. Он молчит, потому что бережет нас. Так что не травмируй его. Посмотри, какой он вырос: всегда улыбается, ласковый, вежливый. Красавец, тебя обожает. Все соседки от зависти лопаются, глядя на вас.

— Это правда, — лицо Тан Лань мгновенно посветлело.

— Вот и я о том же. Грех нам на судьбу жаловаться. Раньше переживали, что своих детей бог не дал, а теперь погляди — у кого еще есть такой золотой сын?

— Да... — Тан Лань поднялась, чтобы погладить выстиранную форму сына. — Вот только женился бы поскорее. Хайин мне уже столько хороших девочек предлагала, а Бинь-бинь ни в какую. Всё отмахивается: мол, некогда, работа, дежурства. Всё впустую.

— Я тебе сто раз говорил: не дави на него. Придет время — сам найдет. Захочет — мы ему и дом отдельный обустроим, пусть живут. Нашему мальчику всего-то двадцать с небольшим, куда спешить? А если Хайин скучно жить, пусть лучше своим оболтусом займется. Она уже трех потенциальных невесток из дома выставила.

— Ой, не наговаривай на нее! Не она их выставила, а сам Шаочуань — бабник беспутный, никак остепениться не может, — Тан Лань шутливо пригрозила мужу пальцем и ушла наверх.

После окончания академии Гуань Хаобинь вполне мог сразу устроиться в Муниципальный отряд дорожной полиции Цинюаня. Но парень уперся: хочу, мол, поработать на земле, набраться опыта. Отец спорить не стал, уступил его выбору, и так Хаобинь оказался в дорожной полиции района Худун. Поскольку Худун — это самый центр города, изящный силуэт Хаобиня — или, как выражался Тан Шаочуань, «его модельный лик» — частенько мелькал на оживленных перекрестках Цинюаня. Тан Лань безумно переживала, что сын целыми днями дышит выхлопными газами, и постоянно пилила мужа, чтобы тот задействовал связи и перевел парня на бумажную работу. Но то ли старик Гуань плохо старался, то ли в Бригаде Худун не хотели лишаться своего «лица бренда», но Хаобинь так и оставался на своем посту.

Когда Хаобинь прибыл в расположение отряда, в коридоре его встретил лучший друг Ци Фэй.

— О, молодой господин Гуань! С тебя сегодня причитается! — завопил Ци Фэй еще издалека.

Они вместе учились в академии, жили в одной комнате общежития, а теперь и служили в одном месте. Ци Фэй любил шутить, что со своей девушкой проводит меньше времени, чем с Хаобином.

— Это еще с какой стати? Я тебе что, банкомат карманный? — Хаобинь даже бровью не повел.

— С такой, что я за тебя всё утро на перекрестке отдувался! У меня теперь спина не разгибается! — Ци Фэй картинно схватился за поясницу и состроил мученическую гримасу.

— Да ладно тебе заливать. Небось вчера у своей подружки так «переработал», что теперь

поясница отваливается? Не надо валить с больной головы на нашего Молодого господина Гуаня, — хохотнул подошедший сзади Лю Тяньпин.

— Брат Тяньпин, имей совесть! Мы при исполнении, соблюдай рамки приличия! — пригрозил ему кулаком Ци Фэй.

— Слышь, благодетель, а ничего, что я за тебя до этого три ночных дежурства отпахал? Забыл уже? — хмыкнул Хаобинь.

— Ну, я же просто граблю богатых и помогаю бедным, — Ци Фэй панибратски приобнял Хаобиня за плечи.

— Убери руки, воняет от тебя за версту, — Хаобинь со смехом сбросил его ладонь. — Тоже мне, Робин Гуд нашелся. Бедный он! Я сам еще из нищеты не вылез, до сих пор у родителей на шее сижу...

— Просто у него девица под боком, а ты всё еще бобылем ходишь. Вот тебя жаба и душит, — подмигнул Лю Тяньпин.

— Есть немного, — ухмыльнулся Хаобинь.

— Ой, не прибедняйся, Молодой господин Гуань! Тебе стоит только глазом повести — и девчонки штабелями ложиться будут. Гарем из невест построишь, — хохотнул Ци Фэй.

— Напряжение слишком высокое, как бы током не убило, — Хаобинь повернулся к Лю Тяньпину. — Брат Лю, а кто сегодня из Муниципального отряда полиции к нам едет?

— Тесть твой будущий, — рассмеялся Лю Тяньпин.

— Чего-о?..

<http://bllate.org/book/18980/1869418>